

УК РСФСР, после слов «крушение» и «авария» в ст. 85 УК необходимо указать соответственно «поезда» и «корабля». Кроме того, в диспозицию ст. 85 УК РСФСР следует включить наиболее тяжкое последствие на воздушном транспорте — «катастрофа». При такой конструкции норма отразит наиболее тяжкие последствия на каждом виде транспорта. Другие возможные последствия, не относящиеся к крушению, аварии или катастрофе, но по степени вреда остающиеся тяжкими, могут быть охвачены понятиями «несчастный случай с людьми» или «иные тяжкие последствия».

Соотношение познавательных целей деятельности адвоката и должностных лиц органов предварительного следствия, прокуратуры и суда в уголовном процессе

Н. Г. СТОЙКО *, В. М. ЦАРЕВ **

Познавательная деятельность адвоката осуществляется в рамках общих целей уголовного судопроизводства (ст. 2 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик).¹ В то же время она заметно отличается от деятельности других субъектов уголовного процесса, прежде всего должностных лиц органов расследования, прокуратуры и суда. С одной стороны, адвокат помогает своему подзащитному (обвиняемому, подсудимому, осужденному), содействуя реализации его законных личных интересов, а с другой — государству в оказании юридической помощи лицам, обвиняемым в совершении преступления. Так происходит потому, что судопроизводство по своей природе деятельность коллективная, каждый субъект вносит посильный вклад в достижение общего результата. Поэтому адвокат и должностные лица, ведущие процесс, имеют общую и специфические цели познавательной деятельности, обуславливающие единство и дифференциацию последней по форме и содержанию. «Общие цели и задачи уголовного судопроизводства, — пишет Л. Д. Кокорев, — разумеется, определяют деятельность всех его участников, однако наряду с ними ... существует своеобразие конкретных задач, стоящих перед теми или иными участниками процесса».² П. С. Элькин д указывала на необходимость различать «цели, выражающие направленность всей уголовно-процессуальной деятельности» и так называемые функциональные цели, учитывающие роль и назначение каждого участника процесса.³

Все названные субъекты призваны совместно защищать общественные и личные интересы в связи с возникновением предположения о совершении преступления. Их общая познавательная цель — разрешить это предположение. Отсюда одинаковая заинтересованность адвоката и должностных лиц, ведущих процесс, в таком установлении обстоятельств дела, которое соответствовало бы объективной действительности, а также в правильном применении уголовного и уголовно-процессуального законов. Специфические же цели их деятельности при этом остаются различными. Общая цель отражена в ст. 2 Основ с учетом реально существующих потребностей, с одной стороны, оградить общественные интересы от преступных посягательств, а с другой — не допустить незаконного и необоснованного применения мер государственного принуждения к отдельным гражданам, вовлекаемым в процесс в качестве предполагаемых субъектов этих посягательств. Хотя такие цели, как быстрое и полное раскрытие преступлений, изобличение всех лиц, виновных в их совершении, на первый взгляд больше относятся к деятельности должностных лиц, осуществляющих судопроизводство, а недопущение привлечения к уголовной ответственности и осуждения невиновных — к деятельности адвоката, в целом общая познавательная цель носит двуединый характер. Быстрое и полное раскрытие преступлений, изобличение виновных в их совершении означают в то же время недопущение привлечения к уголовной ответственности и осуждения невиновных. Дифференциацию же целей деятельности указанных субъектов уголовного судопроизводства закон приводит в ст. 3 и 23 Основ. В первой из них перед судом, прокурором, следователем и органом дознания поставлена следующая познавательная цель: установить событие преступления, определить лиц, виновных в его совершении. Во второй сформулирована познавательная цель адвоката: выяснение обстоятельств, оправдывающих обвиняемого или смягчающих его от-

* Кандидат юридических наук, доцент Красноярского государственного университета.

** Кандидат юридических наук, ассистент того же университета.

¹ Далее — Основы.

² Кокорев Л. Д. Участники правосудия по уголовным делам. Воронеж, 1971. С. 61.

³ Элькин д П. С. Цели и средства их достижения в советском уголовно-процессуальном праве. Л., 1976. С. 41—45.

ветственность. В отличие от пт. 2 Основ речь здесь идет об особой направленности деятельности должностных лиц, ведущих процесс, и адвоката, которая определяет форму их участия в судопроизводстве. При этом имеются в виду цели судопроизводства не по конкретному уголовному делу, а уголовного процесса вообще как средства борьбы с преступностью. Поэтому сказанное не противоречит ст. 14 Основ, которая связывает принцип уголовно-процессуального доказывания с конкретными обстоятельствами дела.

Должностные лица, осуществляющие судопроизводство, практически всегда исходят из обоснованного предположения о существовании преступления и наличии лица, его совершившего. Оно возникает с момента «обнаружения признаков преступления» и задает определенное направление и форму всему уголовно-процессуальному познанию, ориентированному на разрешение указанного предположения. Даже версия о невиновности подозреваемого или обвиняемого рассматривается в рамках пена о преступлении, где неизбежно предполагается виновное лицо. Это вовсе не исключает возможности реабилитации последнего, ибо закон не считает обвиняемого виновным, пока иное не определит суд (ст. 151, 160 Конституции СССР, ст. 13 Основ). Так происходит потому, что на протяжении производства по уголовному делу вплоть до приговора суда устанавливается уголовно-правовое отношение, которое по мере всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств совершения преступления становится все более определенным.⁴ Может оказаться, что указанное правоотношение отсутствует, но обнаружится наличие другого.⁵ Именно поэтому следователь, прокурор и суд контролируют себя и друг друга, проверяя правильность сделанного вывода о виновности обвиняемого. Если следователь считает уголовно-правовое отношение существующим, событие преступления и виновность лица доказанными уже в стадии предварительного расследования, то прокурор, а затем и суд еще должны разобратся в этом.⁶ Иначе говоря, данные субъекты, принимая решения по существу пена (о возбуждении уголовного пена, привлечении в качестве обвиняемого, вынесении обвинительного приговора и т. п.) всякий раз (разумеется, на разных уровнях доказывания) разрешают предположение о совершении преступления.

Помимо разрешения указанного предположения в рамках уголовного правоотношения должностные лица, ведущие процесс, формулируют обвинение в материально-правовом смысле.⁷ В связи с этим в их деятельности могут появиться негативные (обвинительные) тенденции.

Так, у следователей нередко на первый план выдвигаются версии обвинительного порядка, в отдельных случаях они оказываются в плену ним же созданной версии.⁸ В результате появляется предвзятость при установлении обстоятельств предполагаемого преступления, возникает предубежденность в оценке рововов обвиняемого, не критическое отношение к своей позиции, а это может привести к грубым ошибкам при разрешении пена по существу.⁹

Иногда и прокурор, утверждая обвинительное заключение, отождествляет обоснованность последнего с достижением (окончательным) истины по делу. В дальнейшем он лишь представляет и отстаивает выводы предварительного расследования, отказываясь от активного участия в исследовании обстоятельств уголовного дела. Поэтому даже при наличии соответствующих данных прокурору психологически нелегко отказаться от поддержания обвинения, поставить вопрос о переквалификации действий подсудимого в сторону смягчения.¹⁰

Нельзя отрицать опасности появления обвинительного уклона и в деятельности судей. Особый формально-церемониальный характер правосудия (гласность, уст-

⁴ Лукашевич В. З. Установление уголовной ответственности в советском уголовном процессе. Л., 1985. С. 24—28.

⁵ Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. Т. 1. М., 1968. С. 91.

⁶ Лукашевич В. З. Указ. соч. С. 25—57.

⁷ Следует согласиться с мнением об отсутствии функции обвинения в уголовном процессе, поскольку, с одной стороны, элементы обвинительной деятельности можно найти в деятельности любого должностного лица, осуществляющего судопроизводство, а с другой стороны, ни один из них не уполномочен отправлять только обвинительную деятельность (см.: Даев В. Г. Процессуальные функции и принцип состязательности в уголовном судопроизводстве // Правоведение. 1974. № 1. С. 66—49.)

⁸ Некрасова М. П. Влияние профессиональной деформации личности юриста на формирование конечных выводов по делу // Вопросы совершенствования правосудия в СССР. Вып. 7. Калининград, 1979. С. 47.

Лукашевич В. З. Гарантии прав обвиняемого в советском уголовном процессе. Л., 1959. С. 77—79.

¹⁰ Леоненко В. В. Профессиональная этика участников уголовного судопроизводства. Киев, 1981. С. 118—121.

ность, коллегиальность и т. п.)¹¹ помогает избежать однобокого исследования обстоятельств *пена*. Тем не менее недопустимые для судей предварительное согласие с выводами следователя о виновности обвиняемого, предубежденность, вера в непогрешимость расследования нередко служат источником ошибок, правового негативизма и формализма судей, психологически «оправдывают» принятие неправосудных решений.¹²

Конечно, подобный уклон возникает, прежде всего в результате действия субъективных причин. «Вместе с тем, — как правильно подчеркивает Г.М. Резник, — явлениями субъективного порядка необходимо видеть более глубокие причины, имеющие объективный характер».¹³ Именно признание реального существования таких привело к созданию целой системы гарантий прав и законных интересов обвиняемого (равно как и к появлению соответствующей стратегии законодателя).¹⁴ В качестве одной из таких гарантий предусматривается участие защитника в уголовном процессе. Социальное осознание того факта, что риск обвинительного уклона (как и следственных или судебных ошибок) нельзя полностью исключить, а можно лишь существенно ограничить,¹⁵ возложив на должностных лиц обязанность полно, всесторонне и объективно исследовать обстоятельства дела, обусловило по существу оправдательную направленность деятельности адвоката. Основная задача данного участника уголовного процесса состоит в том, чтобы, исходя из предположения о невиновности обвиняемого в форме разрешения такого предположения, «высветить» обстоятельства дела в соответствующем аспекте и таким образом повлиять на внутреннее убеждение должностных лиц, ведущих процесс, а тем самым и на формирование выводов по делу, соответствующих законным интересам подзащитного. Деятельность адвоката должна играть роль своеобразного «предохранителя» в цепи действий следователя, прокурора, суда, если они приобретают субъективный уклон, ведущий к нарушениям прав и законных интересов обвиняемого. И чем раньше адвокат получит возможность реализовать свое назначение, тем полнее будут решены задачи уголовного процесса.

Умаление специфики познавательных задач адвоката может привести к появлению и в его позиции (как это ни покажется странным) той же обвинительной тенденции: участвуя в разрешении предположения о совершении преступления, возникшего у соответствующих должностных лиц, защитник начинает руководствоваться им в своей познавательно-практической деятельности. В этом случае он психологически безоружен: трудно защищать обвиняемого, предполагая, что он виновен. Такой подход приводит зачастую к отсутствию у адвоката самостоятельной позиции или пассивности в ее отстаивании, к появлению негативного либо безразличного отношения к подзащитному, мешает даже выявлению смягчающих вину обстоятельств. В результате перед следователем, прокурором, судом высказываются лишь такие сомнения в доказанности обвинения, которые возникают у последних и без участия адвоката. Подобная «активность» защитника приносит мало пользы.

Конечно, совпадение выводов указанных субъектов по существу *пена* не исключается, но оно не должно расцениваться как неизбежное. Сложность процесса познания предопределяет и неоднозначность конкретных познавательных целей деятельности, а соответственно и психологических установок на выявление определенных обстоятельств дела. Поэтому адвокату обстоятельства происшедшего нередко могут и должны представляться иначе, чем должностным лицам, ведущим процесс. При этом необходимо, чтобы он основывал свои выводы на результатах самостоятельного исследования доказательств. Последнее же предполагает активное участие в сборании и проверке относящихся к делу данных, а не только в оценке доказательств, уже собранных и изученных органами расследования. Однако следует заметить, что при существующем положении такая возможность у адвоката имеется лишь в стадии судебного разбирательства. В соответствии с законодательством по большинству уголовных дел на предварительное следствие адвокат допускается с момента его окончания и ознакомления обвиняемого со всеми материалами дела. Возможность участия адвоката с момента предъявления обвинения по постановлению прокурора (ч. 1 ст. 22 Основ) в силу неконкретности формулировки закона и иных причин на практике используется редко. На этом этапе судопроизводства адвокат по общему правилу в процессе не участвует и по сути привлекается лишь для оценки его результатов. В силу этого функция защитника фактически сводится к ликвидации, но не предотвращению возможных нарушений закона со стороны должностных лиц, ве-

¹¹ Юрипическая процессуальная форма / Под ред. И. Е. Недбайло и В. М. Горшенева. М., 1976. С. 239—241.

¹² Колбая Г. Н. Соотношение предварительного следствия и судебного разбирательства. М., 1975. С. 91—92; Грошевой Ю. М. Проблемы формирования судебного убеждения в уголовном судопроизводстве. Харьков, 1975. С. 75, 89.

¹³ Резник Г. М. Внутреннее убеждение при оценке доказательств. М., 1977. С. 77, 96.

¹⁴ Право обвиняемого на защиту в социалистическом уголовном процессе / Под ред. В. М. Савицкого. М., 1983. С. 56—62.

¹⁵ Резник Г. М. Указ. сош. С. 92.

душих *процесс*. Более того, в юридической литературе неоднократно отмечалось, что деятельность адвоката по устранению недостатков расследования должным образом не гарантирована законом (не установлены сроки рассмотрения и разрешения ходатайств адвокатов и т. д.). Все это порождает формальное отношение адвокатов к исполнению *своих* обязанностей на данной стадии *процесса*. Итак, целесообразность предложения о допуске защитника по всем делам с момента привлечения в качестве обвиняемого, а *если* по этому производилось задержание лица или применение к нему меры пресечения — с момента появления подозрения, очевидно.

Общая познавательная цель всех субъектов уголовного судопроизводства и специфические познавательные цели, с одной стороны, должностных лиц, ведущих процесс, а с другой — адвоката, находятся в диалектическом единстве. Правильное понимание соотношения этих целей позволяет всесторонне, полно и объективно исследовать обстоятельства дела и соответственно добиться такого результата, который бы олицетворял реализацию как публичных интересов в защите общественных отношений от преступных посягательств, так и законных интересов отдельных граждан не быть подвергнутыми необоснованному применению к ним мер государственного принуждения.

Правовое положение иностранных граждан в СССР на основании международных договоров

С. Ю. МАРОЧКИН *

Правовое положение иностранных граждан в СССР устанавливается законодательством Союза ССР и союзных республик, что вытекает из общего правового принципа — на иностранцев распространяется юрисдикция государства пребывания. Ст. 2 Закона «О правовом положении иностранных граждан в СССР» от 24 июня 1981 г. очерчивает круг норм союзного и республиканского законодательства, регулирующих данную сферу отношений. Это — упомянутый закон, иные законодательные акты Союза ССР, а также союзных республик по вопросам, отнесенным к их ведению общесоюзным законодательством и конституциями союзных республик.

Вместе с тем заключение СССР многосторонних и двусторонних договоров, касающихся прав личности, статуса иностранцев, ставит проблемы их выполнения на внутрисударственном уровне, уточнения правового режима иностранных граждан в СССР с учетом международных обязательств. В ч. 3 ст. 2 Закона закреплено, что «правовое положение иностранных граждан в СССР может определяться также на основании международных договоров СССР». Это требует определения форм выполнения международных договоров, регулирующих статус иностранцев, преодолевающих возникающих в нормотворческой и правоприменительной практике коллизий законодательства и договоров.

В ч. 3 ст. 2 Закона отсутствует правило, аналогичное тому, которое закреплено в ст. 129 Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик: если в международном договоре СССР содержатся иные положения, чем предусмотренные советским законодательством, применяются правила международного договора.¹ В ч. 3 ст. 2 нет и прямой отсылки к международным договорам, которая может служить юридическим основанием применения последних для решения конкретных *пеп*. Приведем для сравнения ст. 10 Закона «О гражданстве СССР» от 1 декабря 1978 г.: «Гражданство СССР приобретает: 1) по рождению; 2) в результате приема в гражданство СССР; 3) по основаниям, предусмотренным международными договорами СССР; 4) по иным основаниям, предусмотренным настоящим Законом». Иначе говоря, основания, сформулированные в международном договоре, рассматриваются как юридически равнозначные *основаниям*, установленным Законом. Если гражданство СССР приобретено по основанию, предусмотренному в договоре, но не включенному в закон, оно равноценно гражданству, приобретенному по закону. Так, согласно п. 1 ст. 1 Конвенции между Правительством СССР и Правительством МНР о предотвращении случаев возникновения двойного гражданства² родители, один из которых гражданин СССР, а другой — МНР, могут по обоюдному согласию избрать для ребенка гражданство одной из договаривающихся сторон. Закон СССР 1978 г. такого основания приобретения гражданства не предусматривает. Более того, ст. 12 не предоставляет родителям права выбора, однозначно предписывая, что *если* ребенок родился на территории СССР, то он — гражданин СССР. Вместе с тем нет никаких юридических препятствий к тому, чтобы родители на основе

* Кандидат юридических наук, доцент Тюменского государственного университета.

¹ Миронов Н. В. Правовое положение иностранных граждан в СССР // Советское государство и право. 1982. № 3. С. 102.

² Ведомости Верховного Совета СССР. 1984. № 17. Ст. 284.